

вообраза... «Воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму! Воспитаніе есть стремленіе одного человѣка сдѣлать другого такимъ же, каковъ онъ самъ (стремленіе бѣднаго отнять богатство у богатаго, чувство зависти стараго при взглядахъ на свѣжую молодость,—чувство зависти, возведенное въ принципъ и теорію)» (129). Поэтому и права воспитанія не существуетъ... «Я не признаю его, не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его всё воспитываемое молодое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія...»

Отъ дѣтей перейдемъ къ народу—такому же какъ и они, носителю завидныхъ автору душевныхъ качествъ гармоніи, цѣльности, непосредственности и т. п. Говоря, напр., о беллетристическихъ опытахъ крестьянскихъ ребятъ, учениковъ его Ясно-Полянской школы, въ статьѣ «Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ», идеализирующій авторъ такъ, напр., говоритъ о разсказѣ, написанномъ Ѳедькою: «Я долго не вѣрилъ тому, что испыталъ вчера. Мнѣ казалось столь страннымъ, что крестьянскій полуграмотный мальчикъ вдругъ проявляетъ такую *сознательную* силу художника, какой на всей своей *необъятной* высотѣ развитія не можетъ достигъ Гёте. Мнѣ казалось столь страннымъ, что я, — заслужившій уже нѣкоторый успѣхъ и признаніе художественнаго таланта отъ русской образованной публики, — что въ дѣлѣ художества я не только не могу указать или помочь 11-ти лѣтнему Семкѣ или Ѳедькѣ, а что едва-едва—и то только въ счастливую минуту раздраженія—въ состояніи слѣдить за ними и понимать ихъ» (227). Тоже со всѣми произведеніями народнаго творчества. *Страшно сказать*: я убѣдился что все, что мы сдѣлали по этимъ двумъ отраслямъ (по музыкѣ и поэзіи), все сдѣлано по ложному исключительному пути, исключающему значенія,